

вуть въ роскошной обстановкѣ; таково большинство американскихъ богачей, которые всё ушли въ дѣло и не оставляютъ его до самыхъ преклонныхъ лѣтъ. Эти люди вовсе не чувствовали бы себя несчастными, если бы скромно удовлетворяли свои потребности: они окружаютъ себя роскошью вовсе не потому, что она отвѣчаетъ на ихъ личные вкусы. — И въ данномъ случаѣ наступили бы сходныя послѣдствія. Если человѣкъ проникся желаніемъ отказаться отъ роскоши и даже отъ права собственности, то можетъ сдѣлать это, не переходя къ физическому труду. Онъ поселится въ самой скромной обстановкѣ и передастъ свое имущество для какой-нибудь общепольной цѣли. Съ другой стороны, если человѣкъ удѣляетъ и довольно много времени физическому труду и самъ не чувствуетъ влеченія къ роскоши, то можетъ, дѣлая уступки семьѣ, оставаться среди утонченныхъ удобствъ жизни, не отказываясь отъ права собственности или же, отказавшись, передать имущество семьѣ; а это сплошь и рядомъ дѣлаютъ и люди, которые очень далеки отъ мыслей о коренномъ измѣненіи общественнаго строя.

Можно ли рассчитывать вмѣстѣ съ Толстымъ, что нѣсколько десятковъ примѣровъ этого рода привлекутъ толпы послѣдователей и складъ новой жизни вскорѣ охватитъ очень большую площадь?—Нельзя согласиться съ этимъ предположеніемъ. Исторія знакомитъ насъ со множествомъ сектъ, которыя пріобрѣтали послѣдователей въ разныхъ общественныхъ слояхъ. Нѣкоторыя секты имѣли много участниковъ, обыкновенно тѣмъ больше, чѣмъ меньше ихъ ученіе шло въ разрѣзъ съ господствующимъ строемъ жизни; но всё секты исчезали въ населеніи каждой страны. Распространеніе христіанства служить еще болѣе вѣскимъ доказательствомъ. Общины христіанъ были немногочисленны даже въ первые вѣка, когда ученіе Христа хранилось въ наибольшей чистотѣ. Населеніе цѣлыхъ государствъ было по названію христіанскимъ, но своею жизнью вовсе не отвѣчало тому, чего требуютъ заповѣди Христа. А между тѣмъ на сторонѣ христіанства была большая сила; мы не видимъ такой за проповѣдью Толстого. Этой силой служила увѣренность, что послѣдователей Христа ожидаетъ загробное блаженство; надежда на него открывала новому ученію доступъ въ сердца многихъ. И все же христіанскія общины были островами, разсѣянными въ обширномъ культурномъ мірѣ древности. Эти островки жили своей особой жизнью, болѣе или меньше согласной съ завѣтами Учителя; а огромное большинство